

В. П. Авенариус

Два регентства

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
В11

В11 **В. П. Авенариус**
Два регентства / В. П. Авенариус – М.: Книга по Требованию, 2021. – 134 с.

ISBN 978-5-4241-1755-8

Василий Петрович Авенариус (1839 - 1923) - один из замечательной плеяды русских исторических беллетристов рубежа XIX - XX веков. Его знаменитые книги о самых загадочных событиях российской истории, а особенно - его беллетризованные жизнеописания великих людей пользовались большой популярностью.

ISBN 978-5-4241-1755-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© В. П. Авенариус, 2021

Глава первая

РЕГЕНТ БЛАГОДЕТЕЛЬСТВУЕТ

Скончалась императрица Анна Иоанновна в своем петербургском Летнем дворце, оттуда же должно было последовать и ее погребение. На другое утро по ее кончине, 18 октября 1740 года, младенец-император Иоанн Антонович был перевезен в Зимний дворец, вместе с ним переселились туда и его молодые родители — принцесса Анна Леопольдовна и принц Антон-Ульрих. Регент, герцог Бирон, еще накануне заявил, что сам он не покинет Летнего дворца, пока тело незабвенной монархини находится еще там и не предано земле.

По этому поводу обер-гофмаршал граф Левенвольде счел нужным еще раз переговорить с регентом. Когда дежурный паж пригласил его в герцогский кабинет, Бирон сидел еще за утренним кофе в своем светло-голубом шлафроке с оранжевыми лацканами и обшлагами. Он вообще любил яркие цвета, а голубой и оранжевый были к тому же цвета родной его Курляндии.

"А черная одежда была бы теперь все же пристойнее", — подумал про себя гофмаршал, и ему невольно вспомнилось известное острословие: "Для чего наружные знаки печали? Была бы душа черна!".

Но он поспешил отогнать от себя нечестивую мысль и с почтительностью прикоснулся к протянутой ему руке. Пожелав регенту доброго утра, он осведомился, не переменял ли его светлость своего вчерашнего намерения пробывать здесь, в Летнем дворце, до похорон.

— Что мною раз решено, — был ответ, — то отменено быть не может.

— Я и не посмел бы понапрасну беспокоить вашу светлость, — заметил Левенвольде, — если бы не обычаем русского народа поклоняться праху царствующих особ, а по наведенной справке тело усопшей особы выставляется публично в течение не менее шести недель.

— Дабы всякий желающий мог исполнить свой христианский долг? Вполне одобряю. И мы назначим для сего не шесть, а целых десять недель! На какой день придется тогда похороны?

Обер-гофмаршал подошел к висевшему над столом стенному календарю и стал рассчитывать.

— Ну? — спросил Бирон.

— Придется они на двадцать шестое декабря, то есть на второй день Рождества, но тогда ведь не хоронят...

— Гм... Так, скажем: двадцать третье декабря, дабы на другой день в рождественский сочельник вся Россия могла единодушно вознести свои молитвы за упокой души обожаемой царицы.

— Слушаю-с. А до тех пор ваша светлость так и не выедете отсюда?

— Ни я, ни мое семейство. Здесь же будет собираться и особая комиссия для разработки формы придворного траура и всего церемониала погребения. Вы, Левенвольде, составьте мне нынче же к вечеру список членов комиссии, а также подробную справку о тех милостях, которые прежде даровались народу при перемене правления.

— Ваша светлость все ведь предусмотрите! — почел долгом умилиться обер-гофмаршал. — Народ будет благословлять вашу доброту...

— Эх, милый мой! К чему эти фразы? Мы оба прекрасно знаем, что русский

народ нас, немцев, терпеть не может.

— Простите, герцог, не всех немцев. Фельдмаршала Миниха, например, вся армия очень любит...

Бирон досадливо поморщился.

— Ну, так нас, курляндцев! — поправился он. — Народ цепной ведь пес, который рычит на всякого пришельца. Вот мы и бросим ему кость.

— Смею заметить, что против вашей светлости настроен не один только простой народ, но и многие из высших слоев общества до сенаторов и самой принцессы Анны включительно.

— Мы никого не обойдем, а принцессу да и цесаревну облагодетельствуем теперь же.

Герцог позвонил в колокольчик. На пороге вырос саженный камердинер-курляндец.

— Что угодно вашей светлости?

— Одеваться!

Первый выезд Бирона был в Зимний дворец к молодой матери государя. С отменной, невиданной еще любезностью он возвестил ей, что определил ей годового содержания 200 тысяч рублей, а когда принцесса попросила еще назначить к ее особе гофмейстера, он выбрал для должности камергера при ее сыночке молодого графа Миниха, к которому очень благоволила как сама принцесса, так и ее гофрейлина и первая фаворитка Юлиана Менгден, свояченица Миниха.

После этого герцог поехал к главе русской партии цесаревне Елизавете Петровне, чтобы обрадовать и ее назначением ей дополнительного годового оклада в 50 тысяч рублей. Но цесаревна его не приняла, и ему ничего не оставалось, как загнать до времени свою злобу и ехать дальше. Он велел кучеру везти себя в сенат.

Господам сенаторам он объявил, что желает поднять значение правительствующего сената и впредь часто будет посещать их заседания. Польщенные сенаторы, в свою очередь, определили ему тут же 500 тысяч на собственные расходы и вместо титула «светлости» предложили ему именоваться "императорским высочеством". Бирон, однако, показал столько такта, что удовольствовался титулом «высочества», причем выговорил тот же титул и родителю государя, принцу Антону-Ульриху. Но вместе с тем он дал знать в сенатскую типографию, что высочайший указ о его собственном титуле должен быть напечатан во всеобщее сведение на другой же день, 19 октября, указ о титуле принца и денежных пожалованиях принцессе и цесаревне — только несколько дней спустя.

Каждый день затем приносил доказательства благодушия регента: многие ссыльные получили разрешение вернуться в Петербург с возвращением им и чинов, кому был сокращен срок заключения, кто и вовсе избавлен от наказания. Особым манифестом было предписано строго соблюдать законы, чинить суд правый и беспристрастный, во всем повсюду равный, без богоненавистного лицемерия и проклятых корыстей. Часовых, мерзнувших до сих пор в зимнюю пору в своих подбитых ветром епанчах, было велено снабдить шубами, а для уменьшения придворной роскоши, виновником которой выставляли до тех пор самого Бирона, последовало воспрещение носить кому бы то ни было платье дороже четырех рублей аршин.

Не забыл герцог, наконец, и своего преданного слуги, секретаря Де-сиянс

академии, Василия Кирилловича Третьяковского. Указом сената от 1 ноября 1740 года было постановлено: "Ему, Третьяковскому, за бесчестие и увечье его Артемием Волинским награждение выдать из взятых за проданные его, Волинского, пожитки и имеющихся в рентерее денег 360 рублей".

Все недовольные были, казалось, улажены, наступила тишь и гладь и Божья благодать.

Доверчивее многих других была простодушная и до слабости мягкосердная Анна Леопольдовна. Особенно тронула ее оговорка в подписанном покойной императрицей манифесте о престолонаследии, что "ежели Божеским соизволением оный любезный наш внук, благоверный великий князь Иоанн, прежде возраста своего и не оставя по себе наследников, преставится, то в таком случае определяем и назначаем в наследники первого по нему принца, брата его, от нашей любезнейшей племянницы, ее высочества благоверной государыни принцессы Анны, от светлейшего принца Антона-Ульриха, герцога брауншвейг-люнебургского рожденного, а в случае и его преставления, других законных из того же супружества рожденных принцев всегда первого".

— Без согласия Бирона этого не было бы сказано, — говорила она. — Стало быть, он и не думает вовсе устранить меня и моих детей... Я могу быть спокойна.

И она успокоилась. Первые дни, правда, горесть ее по любимой тетушке была как бы безутешна, и на совершаемых ежедневно в придворной церкви панихидах из глаз ее текли обильные слезы. Но источник слез у нее, как это бывает у неглубоких натур, довольно скоро иссяк. Да к тому же надо было позаботиться ведь о трауре! Заседавшая в Летнем дворце, где оставалось еще тело почившей императрицы, печальная комиссия назначила траур на целый год с распределением на четыре квартала. Чтобы комиссия как-нибудь не напутала насчет нарядов, принцесса нарочно откомандировала туда своего нового гофмейстера Миниха-сына с подробной инструкцией. Сообразно последней, было выработано описание траурного одеяния как самой принцессы, так и цесаревны Елизаветы Петровны.

Интересовал Анну Леопольдовну, понятно, и печальный наряд покойной государыни: серебряной парчи шлафор и такая же роба, украшенная серебряным шнуром и широкими большими лентами, белые лайковые башмаки с белыми и желтыми лентами и пунцового бархата одеяло с золотым позументом. Пышному наряду отвечала и вся обстановка царицыной опочивальни и прилежавшего к ней малого зала: стены были обиты малиновой материей, а пол зеленым сукном, тогда как в остальных помещениях стены, потолки, полы, печи, а также зеркала и мебель были затянуты черным сукном.

— Тетушка не выносила черного цвета, — говорила принцесса. — Так пускай же и теперь вокруг нее не будет ничего мрачного.

Своим собственным глубоким трауром, впрочем, принцесса была довольна.

— Граф Линар тоже ведь находил, что черный цвет мне очень к лицу, — заметила она своим двум фавориткам фрейлине Юлиане Менгден и камер-юнгфре Лили Врангель, когда на третий или четвертый день при их помощи облакалась опять в траур.

— А ваше высочество все еще не забыли своего рыцаря? — сказала Юлиана. — Пора бы, кажется.

— И никогда не забуду! Это единственный светлый луч в моей тусклой жизни.

— Но у вас есть теперь и муж, и сын...

— Что ж из того? Мои отношения к Линару так же чисты, как в средние века были отношения между рыцарями и дамами их сердца. У меня одно только желание, чтобы его назначили опять посланником к нам в Петербург!

В это время послышался легкий стук в дверь и голос паж:

— Письмо из-за границы!

Анна Леопольдовна схватилась за сердце.

— Это от него! Я это чувствовала... Войди!

Вошедший паж с низким поклоном подал ей запечатанный конверт. Принцесса дрожащими пальцами вскрыла и развернула письмо. На оживленном лице ее выразилось полное разочарование.

— Из Мекленбурга от отца!

— Отец ваш, верно, прослышал тоже про смертельную болезнь государыни, — заметила Юлиана. — Уж не хочет ли он приехать в Петербург?

— Он ожидает только официального приглашения.

— Бога ради, принцесса, не зовите его сюда! При своем неуживчивом характере он наверное повздорит с Бироном, и тогда все пойдет вверх дном.

— Ты думаешь?.. Чего ты тут ждешь? — обратилась Анна Леопольдовна к стоявшему еще на месте пажу.

— У меня еще письмо к баронессе Врангель, — отвечал паж, поглядывая в нерешительности поочередно то на молоденькую камер-юнгферу, то на молодую фрейлину.

— Дайте-ка сюда, — сказала фрейлина, отнимая у него письмо.

— Да ведь оно не к тебе, Юлиана, а к Лили? — вступилась принцесса.

— Но я отвечаю за нее перед вашим высочеством.

— Все равно. Чужих писем, милая, не читают. Отдай ей его сейчас, она нам уже скажет, от кого оно.

— Право, не знаю, кто мог бы мне писать? — недоумевая, отозвалась Лили и, распечатав письмо, стала его читать.

Вдруг хорошенькое лицо ее до ушей залило горячим румянцем.

— Вот видите, принцесса! — воскликнула Юлиана. — От кого письмо, Лили? — говори.

— От моей лифляндской кузины Мизи Врангель.

— Неправда! Зачем же ты так покраснела?

— Божусь вам, что от нее.

— А не от Самсонова?

— От какого Самсонова? — спросила Анна Леопольдовна.

— Да от молочного брата ее покойной сестры Дези. Покажи-ка.

— Подпись, извольте, я вам покажу, — сказала Лили и, накрыв ладонью самый текст письма, оставила на виду одну лишь подпись.

— "Deine dich liebende Cousine Misi Wrangel",¹ - прочитала Юлиана. — Гм... верно. Но что она тебе пишет?

— Оставь ее, Юлиана! — вмешалась опять принцесса. — Ты все забываешь, что она уже не ребенок, что ей шестнадцать лет.

— На Рождестве, ваше высочество, будет семнадцать, — поправила Лили.

— Тем более. У всякой ведь из нас есть в сердце свой потайной уголок, куда без спросу никто не допускается. А кузина твоя, верно, твоих же лет, Лили?

— Одним годом меня старше.

— Всего-то? Ну, так что же может быть в ее письме, кроме милых глупостей? Но ты еще не дочитала?

— Не успела, ваше высочество...

— Так ступай же к себе и дочитай, да никому, чур, не показывай! — со снисходительной улыбкой добавила принцесса.

Глава вторая

ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Удалившись в свою комнату, Лили первым делом замкнула дверь на ключ, потом расположилась удобнее на угловом диванчике, поджав под себя ноги, и тогда уже принялась опять за письмо кузины с самого начала. Письмо было написано, разумеется, по-немецки, в переводе же на русский язык содержание его было такое:

"Милая Лили!

Ясно вижу отсюда, как твои большие незабудковые глаза от удивления еще вдвое расширились; что нужно ей вдруг, этой несносной Мизи, у которой в ответ на все письма за целую вечность не нашлось ни строчки?

Не стану уверять, что у меня были какие-нибудь важные занятия, что во мне неожиданно проснулась совесть, заговорили родственные чувства и тому подобный вздор. Приступаю прямо к делу.

Ты, вероятно, еще помнишь, что с нашим именем граничит имя Минихов — Ранцен. Когда года два назад сын фельдмаршала женился на баронессе Анне-Доротее Менгден (сестра ее Юлиана ведь гоффрилиной у твоей принцессы Анны?), старик-фельдмаршал, по брачному контракту, закрепил Ранцен за своим сыном. Этим-то именем издавна заведует дальний родственник нашего управляющего Лютц. Годами Лютц не так еще стар, но давно уже страдает ревматизмом ног, а прошлую зиму по неделям не вставал с постели. Сельское хозяйство он и до сих пор ведет образцово, но, хворая, не имеет уже возможности лично наблюдать за работами. Так вот, на подмогу ему был прислан из Петербурга волонтер.

Все это, скажешь ты, в порядке вещей, но что за дело твоей кузине, родовой баронессе, до какого-то волонтера, безродного Кунца или Гинца?

Верно, но то-то и есть: точно ли это безродный Кунц или Гинц?

Ты знаешь, как у нас в провинции всякое новое лицо, чем-либо выдающееся из общей серой массы, делается предметом бесконечных сплетен и пересудов. Этот волонтер, называющий себя Григорием Тамбовским, заставил также говорить о себе не потому, чтобы он допустил себе какие-нибудь выходки дурного тона, о, нет! Ведет он себя совсем благоприлично. Но его окружает какой-то непроницаемый туман. О его прошлом никому, даже прямому его начальнику, Лютцу, ничего не известно. По крайней мере, сам Лютц, говорил так нашему управляющему, который ему не только родня, но и добрый приятель. Домашним своим и работникам Лютц внушил строго-настрого отнюдь не беспокоить г-на Тамбовского какими бы то ни было расспросами. Очевидно, на этот счет Лютцу дана строгая инструкция из Петербурга. Так с полгода уж по нашему мирному краю разгуливает ко всеобщему соблазну какой-то загадочный сфинкс.

Своим образом жизни, впрочем, он ничем не отличается от всякого усердного рабочего: с солнечного восхода он уже в поле, весною сам ходил также за сохой, летом брался за косу, за серп, за цепи, не на целый день, а так, на час, на другой, не то для моциона, не то для надзора за рабочими. Вернется домой — и тотчас на конский завод, на конюшню, на скотный двор. А кончат свое дело другие, он сам не думает еще об отдыхе, засиживается до полночи за конторской работой и книгами. Временами ездит и в уездный город заключить продажу или

контракт. Люты им просто не нахвалится: молодому человеку двадцать лет, не большие, а на диво, дескать, толковый, рассудительный, принимает к сведению всякое наставление, если же раз возразит, то так метко, что поневоле согласишься, неизменно вежлив и приветлив, но без раболепного искательства. С крепостными и с батраками он, пожалуй, чересчур даже кроток: обращается как равный с равными, никого еще, кажется, не побил, почти никогда не возвышает голоса и только лентяям не дает потачки. Говорит он с людьми, представь себе, уже по-эстонски: изумительная способность к языкам! Но по происхождению он, несомненно, русский: по-немецки хотя и объясняется довольно свободно, но акцент и обороты речи у него явно русские.

Все это, конечно, не давало бы ему еще права на внимание у наших дворян: попадают же и среди плебеев порядочные люди. Интригует всех главным образом перстень на указательном пальце его правой руки. Откуда у простого волонтера мог взяться такой драгоценный перстень: с огромным рубином и с бриллиантовыми вокруг розетками? Мы нарочно поручили нашему управляющему выпытать у него историю этого перстня. И что же ты думаешь? Когда тот неожиданно поставил ему вопрос, не подарок ли это высокопоставленного лица, он видимо замялся:

— Да, подарок...

— Но с таким чудным рубином, точно кровь! А кстати, о крови высокопоставленных лиц, — прибавил управляющий. — Слышали вы, что вашему первому кабинет-министру Волинскому, по повелению царицы, отрубили голову?

Молодой человек как смерть побледнел, сорвал с пальца перстень и хотел уже, казалось, бросить его, но вдруг все-таки одумался и положил в карман. С тех пор никто уже не видел на руке у него перстня.

Какое же отношение имеет тот перстень к казенному кабинет-министру? И кто он сам, этот таинственный незнакомец? Не опальный ли аристократ?

После всего этого ты поймешь, конечно, что и мне хотелось взглянуть раз на него. Я попросила отца пригласить его к нам, как знатока лошадей. Отец написал ему записку. Он не заставил себя ждать и приехал к нам на другой же день. Когда отец прошел с ним на конюшню, я вошла туда же. Отец представил нас друг другу. Он чинно мне поклонился, но когда поднял голову и взглянул на меня, то вдруг покраснел и сейчас же заговорил с отцом о лошадях. Говорил он деловито и умно, как старый коневод, но избегал глядеть на меня, а в то же время украдкой все-таки поглядывал в мою сторону, точно сравнивая меня с кем-то. Тут мне вспомнилось, что между нами с тобой есть большое фамильное сходство.

— Скажите, господин Тамбовский, — спросила я его. — Вы ведь прямо из Петербурга?

Отрицать этого он не мог и отвечал:

— Да, из Петербурга.

— И бывали при дворе?

Он опять как будто смеялся.

— При дворе?.. — повторил он. — Я не из придворного круга.

— Однако же все-таки встречали, быть может, мою кузину Лили Врангель? Все лицо его как огнем охватило.

— Н-нет... то есть я имел как-то случай видеть вашу кузину, но с нею не

знаком... Простите, господин барон, — обратился он к моему отцу. — Я отлучился из Ранцена на самое короткое время, там меня ждут...

Отец его не удерживал.

Ты, Лили, пожалуйста, не думай, что я им серьезно заинтересовалась, ай, нет! Собой он хоть и недурен, но русского типа, и поэтому уже не может идти в сравнение с нашими баронами. Интересует меня только вопрос: зачем он скрывает свое знакомство с тобой? И я решилась искать новой встречи с ним, чтобы проникнуть в эту тайну, понимаешь, только для этого, ни для чего иного!

От нас до границ Ранцена, как ты знаешь, всего три версты. После твоего отъезда я редко уже ездила верхом: одной ездить скучно. Теперь же я велела седлать себе Стеллу каждый день и проезжала большой дорогой по владениям Миниха, а иногда и мимо самого замка. Так я почти всякий раз видела Тамбовского (обыкновенно также верхом) то там, то сям, в поле или около наворонных построек среди рабочих. Но он меня как будто нарочно не замечал.

Однажды (то было уже в августе) у моей Стеллы ослабла подруга. Я крикнула ранценским мужикам, чтобы кто-нибудь помог мне подтянуть ремень. На этот раз Тамбовский не мог уже сделать вид, что меня не слышал. Он пустил свою лошадь в карьер, перелетел через ров, через плетень и был уже у меня. Такого ловкого всадника я, признаюсь, никогда еще не видела. Пока он подтягивал подругу, я ему заметила, что у меня никогда не хватило бы духу перескакать через рвы и плетни.

— Всякое начало, баронесса, трудно, — сказал он. — Для меня, например, было вначале также непривычно пахать землю, косить траву...

— Но для чего вы это вообще делаете? — спросила я и взяла при этом на его руки: они у него загорели от солнца, но были чисты, ногти опрятны, как у дворянина, а на указательном пальце правой руки белела светлая полоска от снятого перстня.

— Да ведь должен же я уметь делать все то, что делают рабочие, — отвечал он. — Теперь я сам могу всякого обучить его делу.

— Так вы думаете, что и я тоже научилась бы брать препятствия?

— Без сомнения.

— Но мы со Стеллой моей обе такие трусихи... Вот если бы вы показали нам, как это делать...

Он не мог уже, конечно, отказаться.

— С удовольствием, — сказал он. — Вы, баронесса, только не отставайте от меня.

И вот мы поскакали рядом. Представь себе, Стелла, в самом деле, перенесла меня через ров! Взять плетень я, однако, еще не решилась.

— Ну, как-нибудь в другой раз, — сказал он.

И так-то, чтобы научиться этому, я на другой день съехала с ним снова, а потом еще... Не стану распространяться. Встречаясь, мы, разумеется, не молчали, говорили о том, о другом, а всего больше о Петербурге. Весь придворный круг, оказывается, он знает как свои пять пальцев, но ни о себе самом, ни о тебе ни слова. Когда же я сама упоминала о тебе, он тотчас переводил речь на что-нибудь другое.

С сентября полевые работы кончились, а с ними сами собой прекратились и

наши верховые прогулки. Скоро уже месяц, что я его не видела, и не то что скучаю по нем, а так будто чего-то мне недостает. Знай я наверное, что в жилах его течет синяя кровь, можно было бы пригласить его бывать у нас в доме; если же он из простых, то я о нем, понятно, больше и думать не стану.

Так вот, милая Лили, моя просьба: напиши мне все, что тебе известно про этого Григория Тамбовского (или как бы он там ни назывался), а также что у тебя вышло с ним? Описывать его тебе едва ли нужно, но, чтобы не было никаких уже недоразумений, дам тебе его портрет: ростом он выше среднего, строен и гибок, волосы у него темно-русые и курчавые, глаза серые, но смотрят необыкновенно ясно и приветливо, а уж улыбка!.. Чтобы слишком тебя не раздражить, лучше не дописываю. Прибавлю только, что у него привычка пощипывать, покручивать свои усики, которые, признаться, ему очень к лицу.

Итак, я жду твоего ответа с первой же почтой. Если ты мне не сейчас ответишь, то я тебе этого никогда не прощу, слышишь — никогда!

Твоя тебя любящая кузина

Лизи Врангель".

Читая это письмо, Лили несколько раз менялась в лице, кусала до крови губы. Дочитав до конца, она в сердцах смяла письмо в комок и бросила на пол. Но, немного погодя, подняла его опять с полу, тщательно разгладила и стала перечитывать. Результатом был следующий ответ:

"Милая Мизи!

Кто твой таинственный незнакомец, я хоть и догадываюсь, но открыть тебе не смею, так как сам он того, по-видимому, не желает. Могу сказать тебе разве одно, что в жилах его нет ни капельки синей крови и что удален он отсюда сроком на один год. Но так как новый наш регент, в числе разных милостей, сократил также многим ссыльным срок наказания, то к возвращению твоего знакомого теперь же в Петербург едва ли есть препятствия. Если ты хочешь сделать ему приятность, то, может быть, дашь ему знать об этом.

Твоя тебя любящая кузина

Лили Врангель".